Опасное лето

Автор:
Эрнест Хемингуэй

Опасное лето

Эрнест Миллер Хемингуэй

Эксклюзивная классика (АСТ)

Коррида. Эта жестокая, кровавая, опасная испанская забава завораживала Хемингуэя с юности. И теперь он спустя много лет вновь возвращается в Испанию, где когда-то жил и любил, творил и сражался в гражданской войне, чтобы опять броситься в водоворот корриды.

Начинается сезон боев быков и вместе с ним новый виток противостояния двух тореро: «восходящей звезды» корриды – молодого и бесстрашного Антонио – и опытного, не знающего неудач Луиса Мигеля.

Их соперничество этим поистине опасным летом придаст игре со смертью особенно пряный аромат…

Эрнест Хемингуэй

Опасное лето

Ernest Hemingway

The Dangerous Summer

© Ernest Hemingway, 1960

© Перевод. А. Аракелов, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Глава 1

Странно было снова ехать в Испанию. Я не рассчитывал, что мне позволят когда-нибудь еще приехать в эту страну, которую я любил больше всего на свете – после своей родины – и в которую тем не менее не хотел возвращаться, пока мои друзья находятся за решеткой. Но весной 1953 года на Кубе мне довелось переговорить с несколькими друзьями, которые в гражданскую войну находились по разные стороны линии фронта. Мы обсудили возможность посетить Испанию по дороге в Африку, и они согласились, что я смогу достойно вернуться туда, если не стану отрекаться от написанного и распространяться о политике. Даже за визой не придется обращаться. Туристам из Америки она больше не нужна.

К 1953 году уже никто из моих друзей не томился в тюрьме, поэтому я планировал показать моей жене Мэри ферию в Памплоне, потом заехать в Мадрид, посмотреть Прадо, после чего, если мы останемся на свободе, посетить бои быков в Валенсии. Далее мы собирались сесть на корабль, направлявшийся в Африку. Я понимал, что Мэри ничего не грозит, так как прежде она не бывала в Испании и общалась лишь с людьми с безупречной репутацией. В случае чего они обязательно придут ей на помощь.

Мы быстро миновали Париж и пересекли остальную Францию, через Шартр, долину Луары, мимо Бордо добравшись до Биаррица, где нас должны были ждать несколько знакомых, чтобы всем вместе пересечь границу. Мы хорошо поели и выпили, условились встретиться в нашем отеле на пляже Андая, чтобы оттуда ехать к границе. У одного из наших друзей было письмо от герцога Мигеля Примо де Ривера, на тот момент посла Испании в Лондоне.

Предполагалось, что эта бумага оградит нас от любых неприятностей. Меня это немного приободрило.

Когда мы добрались до Андая, небо затянуло облаками. Утром погода оставалась мрачной и дождливой: плотный туман и облака скрыли от нас горы Испании. В условленное время наши друзья не появились. Мы подождали час, потом еще полчаса и, не дождавшись их, двинулись к границе.

На пропускном пункте веселее не стало. Я отдал четыре наших паспорта полиции. Инспектор, не поднимая глаз, принялся внимательно изучать мои документы.

– Вы не родственник ли писателю Хемингуэю? – спросил он, по-прежнему не глядя на меня.

– Мы из одной семьи, – ответил я.

Он пролистал мой паспорт и уставился на фотографию.

– Вы тот самый Хемингуэй?

Я вытянулся в подобие стойки «смирно» и сказал:

– A sus ordenes. – По-испански эта фраза значит не только «к вашим услугам», но и «в вашем распоряжении». Я слышал, как ее употребляли в совершенно разных обстоятельствах, и надеялся, что произнес ее правильно и соответствующим тоном.

Как бы то ни было, пограничник встал и протянул мне руку со словами:

– Я прочел все ваши книги и высоко их ценю. Сейчас я поставлю в паспорта необходимые штампы и помогу вам пройти таможню.

Так мы попали в Испанию, и все шло лучше, чем можно было ожидать. Всякий раз, когда нас останавливал патруль – на трассе вдоль реки Бидасоа мы насчитали три пропускных пункта, – я ожидал, что нас арестуют и вернут на границу. Но всякий раз патрульные вежливо, хоть и внимательно, изучали наши

паспорта и доброжелательно пропускали нас дальше. «Мы» – это пара американцев, приветливый венецианец Джанфранко Иванчич и итальянский водитель из Удине, который направлялся на праздник Сан-Фермин в Памплоне. Джанфранко, бывший кавалерийский офицер, воевал под командованием Роммеля. Мы близко подружились с ним, когда он работал на Кубе и жил в нашем доме. Он встретил нас в Гавре. Водитель Адамо собирался стать гробовщиком и похоронным распорядителем. Кстати, он осуществил свою мечту, и, если вам доведется умереть в Удине, вы сможете воспользоваться его услугами. Никто не спрашивал, на чьей стороне он сражался в годы гражданской войны. В ту первую поездку я для собственного спокойствия иногда говорил себе, что на обеих. Узнав Адамо поближе, будучи восхищенным многогранностью его талантов, достойной Леонардо, я не видел в этом ничего невозможного. Он мог сражаться на одной стороне ради своих принципов, на другой – за свою страну или город Удине, а если бы существовала третья сторона, он мог бы драться и на ней – за Бога, или за компанию «Лянча», или индустрию похоронных контор, или за всех, кому он был одинаково глубоко предан.

Если вы, как и я, любите повеселиться, берите с собой в поездку уроженцев Италии. Нашими спутниками были два отменных представителя этой страны и почтенная «Лянча», которая преодолевала склоны зеленой долины Бидасоа по дороге, тесно обсаженной каштанами. Увидев просветы в тумане, я понял, что за перевалом, когда серпантин выведет нас на плоскогорье Наварры, небо очистится.

Предполагается, что эта книга о корриде, но я тогда мало интересовался боем быков, разве что хотел показать ее Мэри и Джанфранко. Мэри видела Манолете во время его последнего визита в Мексику. День был ветреный, ему достались два паршивых быка, но Мэри понравилась коррида, и я знал, что раз уж ей понравилось даже такое никудышное представление, то настоящий бой быков наверняка придется по душе. Говорят, что, если можешь забыть корриду на год, можешь забыть ее навсегда. Это не совсем так, но зерно истины тут есть, я и сам не посещал корриду четырнадцать лет, если не считать боев в Мексике. Правда, моя ситуация больше походила на тюремное заключение, с той лишь разницей, что я был заперт не внутри, а снаружи.

Я читал сам и слышал от друзей, которым доверяю, о том, что творилось во времена славы Манолете и даже позже. Чтобы защитить известных матадоров, быкам срезали кончики рогов, а потом подтачивали их, чтобы они казались

настоящими. Но на самом деле рога становились чувствительными, как слишком коротко срезанный ноготь. Боднув ими деревянные доски барреры, бык испытывал боль и после этого старался избегать любых столкновений. То же касалось и тяжелых холщовых панцирей, которыми защищали лошадей на арене.

Из-за укороченных рогов бык терял ощущение дистанции, и неловкий матадор подвергался гораздо меньшей опасности. Бык учится пользоваться рогами на ферме в ежедневных и нередко серьезных схватках с собратьями. Год от года он орудует рогами все искуснее и точнее. Поэтому импресарио некоторых знаменитых матадоров и десятков матадоров похуже убеждали заводчиков выводить так называемых медио-торо, полубыков. Это бык чуть старше трех лет, который обычно неуверенно действует рогами. Чтобы его ноги были не слишком крепкими и он быстро уставал от мулеты, он должен был поменьше ходить от пастбища к поилке. Для соблюдения требований к весу его кормили зерном, так что он выглядел как бык, весил, как бык, и рвался в бой, как бык. Но на самом деле это был всего лишь полубык, который легко уступал боли, становился податливым и к концу схватки, если матадор его не щадил, оказывался совершенно беспомощным.

Такой бык все равно может смертельно ранить человека одним взмахом даже подпиленного рога. Немало людей пострадали в боях с быками, чьи рога были укорочены. Но с таким быком работать как минимум в десять раз легче, а убить его в десять раз проще.

Рядовой зритель не заметит подпиленных рогов, поскольку не имеет особого опыта в этом деле и может не обратить внимания на легкую сероватую потертость. Он смотрит на кончики рогов и видит черные блестящие острия и не знает, что рог отполирован и смазан отработанным машинным маслом. Оно придает рогам блеск ярче, чем седельное масло – потрепанным охотничьим сапогам, но для опытного наблюдателя все это так же очевидно, как для ювелира изъян в бриллианте, и заметно с большого расстояния.

Во времена Манолете и в последующие годы нечистые на руку импресарио часто сами были устроителями боев, или были связаны с устроителями, или с устроителями и определенными заводчиками. Идеальным быком для их матадоров был медио-торо, и многие заводчики выращивали таких быков в больших количествах. Их выводили малорослыми, чтобы они были быстрыми, чтобы их было легко разъярить и легко сломать, а потом раскармливали зерном,

чтобы животные казались большими и сильными. О рогах можно было не беспокоиться. Рога подпиливали, и публика наблюдала, как матадоры творили с такими быками чудеса: поворачивались к ним спиной, глядя на публику, пропускали быка под рукой, становились на колени перед взбешенным животным и прикладывали левый локоть к уху быка, делая вид, что говорят с ним по телефону, гладили их по рогам и, как плохие актеры, отбрасывали шпагу и мулету, обращаясь к публике, когда бык, завороженный, истекавший кровью, еще цеплялся за жизнь. И все эти цирковые фокусы публика принимала за Золотой век корриды.

Если нечистоплотным импресарио приходилось принимать настоящих быков с нетронутыми рогами, с животными всегда могло что-то случиться в темных закоулках или каменных стойлах при арене, где их держали в день корриды. Бывало, что днем, в ходе апартадо (отбора, когда быков распределяют по стойлам), у быка горели глаза, он был быстр, как кошка, и крепко стоял на всех четырех ногах, а позже тот же бык выходил шатаясь, припадая на задние конечности, потому что кто-то уронил тяжелый мешок с зерном ему на хребет. Или бык выходил на арену сонный, как сомнамбула, и матадору приходилось пробиваться сквозь туман к оглушенному животному, которое не замечало ничего вокруг, забыв, для чего ему такие роскошные рога, потому что кто-то вколол ему лошадиную дозу барбитуратов.

Конечно, иногда в боях попадались настоящие быки с «честными» рогами. Лучшие бойцы умели с ними управляться, но не жаждали этого – слишком опасно. Однако каждый год им приходилось проводить несколько таких боев.

Так что по множеству причин, особенно потому, что я в целом охладел к спортивным зрелищам, бои быков не вызывали у меня прежних эмоций. Но за прошедшие годы выросло новое поколение тореро, и мне не терпелось их увидеть. Я знал их отцов, некоторых очень хорошо, но слишком многие из них погибли, слишком многие перестали выступать из-за страха и по другим причинам, так что я решил никогда больше не заводить дружбы с тореадорами. Слишком много было переживаний за них и вместе с ними, когда они пасовали перед быком от страха или неуверенности, порождаемой страхом.

В том году мы остановились не в самой Памплоне, а в Лекумберри и каждое утро проезжали двадцать пять миль, чтобы быть там к половине седьмого утра, поскольку в семь начинался бег быков. Наши друзья разместились там же в гостинице, и на семь дней мы все погрузились в ежегодное местное буйство.

Через неделю нестихающего веселья мы достаточно хорошо узнали друг друга и по большей части сдружились между собой, а значит, фиеста выдалась на славу. Если вначале сверкающий «Роллс-Ройс» графа Дадли казался мне слегка претенциозным, то теперь я находил его очаровательным. Как и все в тот год.

Джанфранко присоединился к одной питейно-танцевальной куадрилье, состоявшей из чистильщиков обуви и начинающих карманников. В результате он редко пользовался своей кроватью в Лекумберри и ненадолго стал местной знаменитостью. На ночлег он устраивался посреди огороженного прохода, через который быков запускали на арену: боялся проспать и пропустить энсьерро. Не пропустил. Быки пробежали прямо по нему. Вся его куадрилья ужасно им гордилась.

Адамо каждое утро выходил на арену и требовал, чтобы ему позволили убить быка, но у организаторов были другие планы.

Погода стояла отвратительная, Мэри промокла насквозь и подхватила тяжелую простуду. Потом жар не отпускал ее даже в Мадриде. Сами бои тоже были не очень, кроме одного исторического события: мы впервые увидели Антонио Ордоньеса.

Я разглядел в нем величие по первому – медленному и плавному – взмаху плаща. Я словно увидел всех вместе великих мастеров капоте – а их было немало – живыми и снова в бою, только он превосходил их. С мулетой он был безупречен. Он убивал красиво и легко. Внимательно и придирчиво следя за его движениями, я понял, что он станет величайшим матадором, если избежит серьезных происшествий. Тогда я не знал, что он добьется величия без всяких «если» и опасные ранения придадут ему еще больше страсти и пыла.

Много лет назад я был близко знаком с его отцом, Каэтано, написал с него матадора в романе «И восходит солнце». Все, происходившее на арене, в книге было взято из действительности, из его подлинных боев. Все, что касалось событий вне арены, было плодом моей фантазии. Ему всегда это было известно, но он никогда не протестовал и не жаловался.

Наблюдая, как Антонио работает с быком, я убедился, что он унаследовал все мастерство, которое его отец показывал в свои лучшие годы. Техника Каэтано была доведена до совершенства. Он так управлял своими подчиненными,

пикадорами и бандерильеро, что все взаимодействие с быком, все три акта пьесы, заканчивавшейся смертью животного, были размеренными и логичными. Антонио превзошел его: каждое движение капоте с момента появления быка на арене, каждый шаг пикадора, каждый удар его пики искусно направлялись так, чтобы подвести быка к финальному акту боя – подчинить его алой ткани мулеты и подготовить к смерти от клинка.

В наше время матадору недостаточно просто подчинить себе быка при помощи мулеты, чтобы заколоть его шпагой. Ему необходимо выполнить несколько классических маневров, прежде чем убить быка, если тот еще способен атаковать. Бык должен пронестись буквально в сантиметрах от тела матадора, чтобы опасность зацепить его рогами казалась вполне реальной. Чем ближе бык, завлекаемый и направляемый человеком, подбирается к нему, тем острее азарт зрителя. Классические пасе невероятно опасны, и матадор управляет быком при помощи куска алой материи, прикрепленной к метровой палке. Существует множество уловок: например, тореро проходит мимо быка, вместо того чтобы пропустить его мимо себя, или использует собственный рывок животного, по сути салютуя ему мулетой, вместо того чтобы направлять. Наиболее эффектный трюк – повернуться к быку спиной, но быки атакуют по прямой, и матадор, зная эту их повадку, встает так, чтобы не подвергать себя особой опасности. С тем же успехом он мог бы демонстрировать свое искусство в паре с трамваем, но публике подобные вещи нравятся.

Впервые наблюдая бой Антонио Ордоньеса, я убедился, что он способен честно, без фальши исполнять все классические пасе, что он понимает быков, что может, если захочет, убивать чисто и что он гениально владеет капоте. Я видел в нем три качества, обязательные для великого матадора: смелость, профессиональное мастерство и умение безукоризненно держаться в момент смертельной опасности. Но когда после боя наш общий друг сказал мне, что Антонио хотел бы встретиться со мной в отеле «Йолди», где он остановился, первой моей мыслью было: только не заводи снова дружбу с тореро, особенно когда ты знаешь, как он хорош и как велика будет твоя потеря, если с ним что-то случится.

К счастью, я так и не научился внимать собственным добрым советам или прислушиваться к своим страхам. В разговоре с Хесусом Кордовой, мексиканским матадором, который родился в Канзасе и прекрасно говорил по-английски – за день до этого он посвятил мне быка на арене, – я спросил, как пройти к «Йолди», и он вызвался меня проводить. Хесус Кордова был отличным

парнем, искусным и умным матадором, мне нравилось с ним общаться. Он довел меня до двери номера Антонио и ушел по своим делам.

Антонио лежал на кровати, он был раздет, лишь причинное место прикрыто полотенцем, как фиговым листом. Я сразу обратил внимание на его глаза – самые темные, горящие, веселые из всех, что только видел мир, и улыбку проказливого шалопая. Мой взгляд невольно упал на шрамы на его правом бедре. Антонию протянул мне левую руку – правую он сильно порезал, приканчивая второго быка, – и сказал:

– Присядьте. Скажите, я так же хорош, как мой отец?

Глядя в эти необычные глаза, на эту улыбку, которая растаяла, как и любые сомнения в том, что мы подружимся, я ответил Антонио, что он лучше отца, и рассказал, насколько хорош был тот. Мы поговорили о его раненой руке. Он сказал, что через два дня снова выйдет на арену. Порез был глубокий, но клинок не задел связок или сухожилий. Зазвонил телефон: это была невеста Антонио, Кармен, дочь Домингина, его агента, и сестра Луиса Мигеля Домингина, матадора. Я извинился и отошел, не желая мешать разговору. Когда Антонио повесил трубку, я вернулся, чтобы попрощаться. Мы договорились встретиться в «Эль-Рей-Нобле» и расстались друзьями.

На тот момент Луис Мигель Домингин уже завершил карьеру. Мы познакомились с ним на его ферме Вилла-Пас недалеко от Саэлисес, между Мадридом и Валенсией. С его отцом мы были знакомы много лет. Он был хорошим матадором в годы, когда выступали два великих матадора, а впоследствии превратился в умелого и успешного бизнесмена, разглядев талант Доминго Ортеги и став его импресарио. У Домингина было трое сыновей и две дочери. Все мальчики стали матадорами. Луис Мигель оказался очень способным во всем, был отличным бандерильеро и, как говорят испанцы, «torero muy largo», то есть располагал обширным арсеналом пасе и элегантных трюков, мог делать с быком что угодно и убивать чисто, если хотел.

Домингин-старший предложил по пути в Валенсию заехать на недавно купленную Луисом Мигелем ферму и пообедать там. Мы с Мэри и Хуанито Кинтаной (это мой старый приятель из Памплоны, с которого я писал хозяина гостиницы Монтойю в «И восходит солнце») после нескольких часов дороги по

июльской жаре Новой Кастилии, где раскаленный ветер из Африки поднимал пыль с разбитых дорог, вошли в прохладный, тенистый дом.

Луис Мигель был само очарование: смуглый, высокий, с узкими бедрами, немного длинной для тореро шеей и подвижным лицом, которое легко меняло выражение от профессиональной презрительности к заразительному веселью. Антонио Ордоньес с Кармен, младшей сестрой Мигеля, уже были там. Темноволосая Кармен оказалась настоящей красавицей, с прекрасным лицом и фигурой. Они с Антонио планировали пожениться осенью, и все их жесты и взгляды говорили о взаимной привязанности.

Мы осмотрели хлев, птичник, конюшню и оружейную комнату. Я вошел в клетку к волку, недавно пойманному на ферме, и поиграл с ним, чем обрадовал Антонио. На вид волк был здоров, и я решил, что опасность заразиться бешенством невелика, страшнее укуса ничего не случится, – так почему бы не войти и не попробовать поработать с ним? Волк оказался очень милым, он сразу понял, что я люблю волков.

Нам показали недавно построенный плавательный бассейн, куда еще не пустили воду, и бронзовую статую Луиса Мигеля в полный рост. Редко кто ставит себе прижизненную статую в собственной усадьбе, и я подумал, что Мигель выглядит лучше своего литого двойника, хотя статуя казалась чуть благороднее. Но вообще-то тяжело тягаться со своим бронзовым изображением на заднем дворе.

В следующий раз я встретил Мигеля в Мадриде в мае 1954 года, по возвращении из Африки. Он поднялся в наш номер в «Палас-отеле» после особенно неудачной корриды в ветреный, дождливый, мрачный день. В номер набилось много народу, она была полна дыма, звона бокалов и разговоров на темы, не заслуживающие внимания. Мигель выглядел ужасно. Будучи на подъеме, он представлял собой что-то среднее между Дон-Жуаном и Гамлетом, но в тот шумный вечер казался опустошенным, потрепанным и усталым.

Мигель все еще был «в отставке», но подумывал об участии в корриде во Франции. Мы несколько раз выезжали за город, в сторону Эскориала, под Гвадарраму, где он тренировался с молодыми бычками, пытаясь понять, сколько ему понадобится времени, чтобы снова войти в форму. Я с удовольствием наблюдал за его занятиями, смотрел, как он работал без отдыха, без пощады

к себе, как, устав или запыхавшись, еще больше увеличивал нагрузку, пока не он, а животное сдавалось в изнеможении. Тогда он переключался на другого быка, вытирая льющийся пот и глубоко дыша, чтобы восстановиться в ожидании нового противника. Меня восхищали его грация, его умение, его «торео», то есть манера работать с быком, основанная на его физических достоинствах – крепких ногах, быстрых рефлексах, невероятном разнообразии приемов и энциклопедическом знании быков. Его тренировки доставляли мне большое удовольствие. Весенняя природа, когда дожди прекратились и вышло солнце, была прекрасна. Беспокойство вызвало только одно: его стиль меня совершенно не трогал.

Мне не нравилось, как он работает с капоте. По счастью, я видел всех великих мастеров капоте с тех пор, как Бельмонте заложил основы современной корриды, и уже по тренировочным боям понял, что Луис Мигель не входит в их число. Впрочем, это была мелочь, и я наслаждался его обществом. У него было циничное, язвительное чувство юмора, и за время, что он прожил у нас в «Финке» на Кубе, мне повезло многому у него научиться. Когда я заканчивал работу, мы подолгу говорили у бассейна. В тот момент Луис Мигель не собирался возвращаться к корриде. Он был холост, свободен, сегодня у него были одни планы, завтра другие. Ночами он водил компанию с Аугустином де Фокса, испанским поэтом, который служил секретарем при посольстве Испании. Аугустин умел наслаждаться жизнью, и в те времена, когда Луис Мигель и наш шофер Хуан возвращались в «Финку» с рассветом, Мигель всерьез подумывал о дипломатической карьере.

Другим возможным занятием он считал писательство. Мне кажется, он решил, что, раз Эрнесто может писать книги, то это, видимо, проще простого. Я объяснил ему, что тут нет ничего сложного, если делать все правильно, и рассказал, как пишу сам. Несколько дней мы оба писали тексты по утрам, и в полдень он приносил написанное к бассейну.

Мигель был удивительным товарищем и идеальным гостем, от него я услышал некоторые поразительные мысли о жизни и бое быков. Именно поэтому мне было так тяжело пережить события 1959 года. Будь Луис Мигель мне врагом, а не другом, братом Кармен и шурином Антонио, все было бы проще. Может, не совсем просто, но я не принял бы все так близко к сердцу.

Глава 2

С конца июня 1954-го по август 1956-го мы работали на Кубе. Я находился в плохой форме из-за спины, дважды сломанной в авиакатастрофах в Африке, и пытался поправиться. Проверять, удачно ли прошло лечение, пришлось на практике: для фильма «Старик и море» мы устроили охоту на очень большого марлина у берегов Перу, рядом с Кабо-Бланко. Спина выдержала испытание, и, когда наша часть работы над фильмом наконец завершилась, мы отправились в Нью-Йорк и провели там весь август.

Первого сентября мы отчалили из Нью-Йорка, планируя перебраться из Парижа в Испанию, чтобы посетить бои Антонию в Логроньо и Сарагосе, а потом ехать дальше, в Африку, где у меня остались дела.

Гавр встретил нас разношерстной толпой репортеров и фотокорреспондентов обоих полов. Там нас ожидал Марио Казамассима на новой старой «Лянче». Джанфранко прислал его вместо Адамо, который стал настолько важной фигурой в похоронном мире Удине и окрестностей, что, подобно популярному акушеру, больше не мог надолго оставлять своих подопечных.

Он написал, что очень переживает из-за того, что не может снова присоединиться к нам в Испании, но уверен, что Марио не посрамит родной город, который может похвастаться самым высоким в мире числом «Лянч» на душу населения. Марио был автогонщиком, начинающим телережиссером и даже с грудой нашего багажа на крыше «Лянчи» мог оставить позади любой «Мерседес». К тому же он был, как говорят французы, дебруйяр – человек, способный выпутаться из любой ситуации, который, если вам что-то понадобится, не просто добудет это по оптовой цене, но добудет в долг под честное слово, превратив продавца в преданного друга. Таких друзей он заводил каждый вечер, в любом гараже и гостинице. Испанского Марио не знал, но это ему ничуть не мешало.

В Логроньо мы прибыли как раз к началу корриды. Она оказалась отличной. Быки попались смелые, большие, быстрые и необузданные. Матадоры работали плотно, еще плотнее, плотнее некуда, каждый на пределе возможностей.

Глядя на то, что Антонио делает с капоте, я расчувствовался. Не разрыдался, как француз во время капитуляции Франции на знаменитой фотографии. Но бывает,

что у тебя перехватывает дыхание и темнеет в глазах, когда перед тобой оживает то, что ты считал уничтоженным и потерянным навсегда. Антонио действовал чище, красивее и ближе, опаснее, чем это было возможно. Он контролировал опасность, отмерял ее с микрометрической точностью, только при этом с помощью куска перкали управлял весившим полтонны разъяренным животным, которое по обеим сторонам головы несло смертельное оружие. Он пропускал быка мимо талии и коленей, превращал его в скульптуру, так что взаиморасположение двух фигур и медленное, направляющее движение капоте, которое их объединяло, было прекраснее, чем любое изваяние, какое я только видел.

Когда он завершил первую серию вероник, мы с Рупертом Белвиллем, нашим британским другом, не один десяток лет посещавшим корриды, и Хуанито Кинтаной переглянулись и только покачали головой. Что тут скажешь? Мэри же лишь крепко вцепилась в мою руку.

Первая часть закончилась, и теперь он решит, что делать дальше, для чего лучше подходит бык, дабы получилась хорошая фаэна, а потом убьет его, чтобы доставить мне удовольствие. Он любит секреты, и я не знал, что он задумал. А секрет состоял в том, что он собирался убить приемом «ресибиендо»: спровоцировать атаку быка, выдвинув левое колено и раскачивая мулету взад-вперед. Когда бык рвется вперед, матадор остается у него на пути, дожидаясь, пока тот наклонит голову, открыв участок между лопатками, куда матадор и вонзает шпагу, не сгибая запястье. Он наклоняется над быком, и противники как бы сливаются в единое целое, вдавливая клинок все глубже в плоть. Левой рукой матадор давит на голову быка, отводя столкновение. Это самый прекрасный способ заклания быка, и его нужно готовить в течение всей фаэны. Это и самый опасный способ: если голову быка не удержать, он может поднять ее и вонзить рог в грудь матадора. Осенью 1956 года Антонио убивал быков приемом «ресибиендо» ради собственного удовольствия, чтобы показать публике, на что он способен, из гордости, что он может то, чего другие не могут или не решаются сделать, а также чтобы угодить мне.

Я не знал этого до самого конца сезона, пока он не посвятил мне быка со словами:

– Эрнесто, я знаю, это никчемное животное, но давай я попробую убить его так, чтобы тебе понравилось.

У него получилось. Но в конце сезона доктор Тамамес, мой старый друг и врач, подопечными которого были и Антонио, и Луис Мигель, попросил меня:

– Если у тебя есть на него хоть какое-то влияние, скажи ему, чтобы не перебирал с этими трюками. Ты же понимаешь, куда придется корнада, а мне его лечить.

После последней корриды в Сарагосе мне стало тошно, и я решил, что на какое-то время быков с меня хватит. Я знал, что Антонио способен одолеть любого быка и может стать одним из величайших матадоров всех времен. Но мне не хотелось, чтобы он лишился своего места в истории или запятнал свою репутацию махинациями, которые творились вокруг. Я представлял себе современный бой быков, сознавал, что он гораздо опаснее и проводится несравнимо лучше и острее, чем в прежние времена, и понимал, что для этого нужен полубык. Ну и пусть. Могут выпускать на арену полубыка, лишь бы он был достаточно крупным, чтобы считаться достойным противником, а не новильо или какого-нибудь трехлетку. Главное, чтобы у него были нетронутые рога и над самим быком не «поработали». Но время от времени в определенных городах Антонио придется сражаться с настоящими быками, и я знал, что он способен на это и сможет справиться с ними не хуже величайших мастеров.

Луис Мигель взял в жены очаровательную девушку и вернулся в корриду. Он участвовал в боях во Франции и Северной Африке. Я слышал, что во Франции у всех быков рога подпиливали, поэтому мне было совершенно неинтересно туда ехать. Я решил дождаться, когда Мигель снова начнет выступать в Испании.

Мы вернулись на Кубу, и я весь 1957 и 1958 годы работал либо на Кубе, либо в Кетчуме, штат Айдахо. Мэри трогательно заботилась обо мне, когда я болел, и благодаря упорному труду и упражнениям мне наконец удалось подняться на ноги.

Тысяча девятьсот пятьдесят восьмой оказался удачным для Антонио. Мы дважды собирались ехать, но я не мог прервать работу над романом. Мы отправили Антонио и Кармен рождественскую открытку, в которой я пообещал, что, пропустив сезон 1958-го, ни за что на свете не пропущу 1959-й и обязательно приеду в Мадрид к началу ферии Сан-Исидро, то есть в середине мая.

Когда пришло время ехать, мне не хотелось покидать Америку, а потом я не хотел уезжать с Кубы. Перед тем как лететь в Нью-Йорк и сесть на корабль до Альхесираса, я провел «Пилар» вдоль побережья в Гавану. Гольфстрим гнал воду к берегу, и над волнами стали появляться большие чернокрылые летучие рыбы. Мне не хотелось лишаться весенних дней на Гольфстриме, но я еще в Рождество дал слово, что приеду в Испанию. Я заранее решил, что, если бои будут нечестными или подставными, я объясню Антонио, почему не могу остаться, и вернусь на Кубу. Больше ни с кем я это обсуждать не буду. Уверен, он поймет. Но, как выяснилось, я ни на что на свете не променял бы ту весну, лето и осень. Стать свидетелем тех событий было тяжело, но не увидеть их было бы трагедией. Такое пропустить нельзя.

Глава 3

Наше плавание на «Конститьюшн» началось в ясную и солнечную погоду, которая продержалась всего день, после чего мы вошли в область низкой облачности с дождем и сильным попутным волнением. Так продолжалось почти до самого Гибралтарского пролива. «Конститьюшн» был большим и комфортным лайнером, и среди его пассажиров оказалось много приятных и дружелюбных людей. Мы прозвали корабль «Конститьюшн-Хилтон», потому что никто из нас раньше не путешествовал на таком монументальном судне. Может, лучше подошло бы «Шератон-Конститьюшн», но ничего, пригодится для следующего раза. Путешествовать на «Конститьюшн» после «Нормандии», «Иль-де-Франс» или «Либерте» было как жить в «Хилтоне», а не в парижском «Ритце» – в номере с окнами в сад.

Сойдя на берег в Альхесирасе, мы поселились у семьи Дэвис. Билл и Энни жили с двумя маленькими детьми на вилле «Консула» на холмах над Малагой. Когда ворота виллы не были заперты, их охранял сторож. К вилле вела длинная дорога, посыпанная гравием и обсаженная кипарисами, а окружавший ее заросший сад не уступал Королевскому ботаническому саду в Мадриде. Гравийная аллея упиралась в громадный прохладный дом с большими комнатами, полы в котором устилали циновки из эспарто. Все комнаты были полны книг, стены увешаны старыми картами и хорошими фотографиями. В холод в жилых помещениях топили камины.

На вилле имелся плавательный бассейн, наполняемый из горного источника, и не было телефона. Ходить можно было и босиком, но в мае еще холодновато, и для мраморных ступеней больше подходили мокасины. Еда была великолепной, выпивка – обильной. Никто никому не досаждал, все занимались своими делами. По утрам я просыпался, выходил на длинный балкон, опоясывающий второй этаж, глядел поверх деревьев в саду на горы и море, слушал шум ветра в соснах и понимал, что не встречал места прекраснее. Это была идеальная обстановка для работы, и я сразу взялся за перо.

Весенний сезон корриды в Андалузии подходил к концу. Ферия в Севилье завершилась. Луис Мигель должен был провести свой первый бой испанского сезона в Херес-де-ла-Фронтера в тот самый день, когда «Конститьюшн» вошел в порт Альхесираса, однако он прислал медицинскую справку, в которой говорилось, что он не может выступать из-за отравления трупным ядом. Ничего хорошего это не предвещало, и я решил, что лучше мне остаться на вилле «Консула», где я смогу работать, плавать и время от времени посещать бои быков, если такие случатся поблизости. Но я обещал Антонио встретиться с ним в Мадриде на боях в День святого Исидора, а кроме того, мне нужно было собрать материал, чтобы закончить дополнение к «Смерти после полудня».

По словам Руперта Белвилла, прибывшего в «Консулу» в сером, похожем на жука «Фольксвагене», за руль которого ему с его почти двухметровым ростом втиснуться было труднее, чем в кабину истребителя, все ожидали увидеть нас в Хересе, где Антонио выступал третьего мая. Антонио же сказал им:

– У Эрнесто своя работа, у меня своя. Мы встретимся в Мадриде в середине месяца.

Вместе с Рупертом приехал Хуанито Кинтана. Я спросил его, как дела у Антонио.

– Лучше не бывает, – ответил Хуанито. – Он сама уверенность. Полностью подавляет быков. Но это нужно увидеть самому.

– Какие-то проблемы?

– Нет, ничего такого.

– Как он убивает?

– Заходит сверху, с идеальным перекрещиванием. В первый раз мулету держит очень низко, если ударит в кость, в следующий раз чуть опускает клинок. Ненамного, совсем чуточку, чтобы попасть в артерию. Он нашел способ, при котором шпага держится высоко, и бьет как полагается, едва появляется шанс, но при этом научился обходить кость.

– Как думаешь, мы не ошиблись на его счет?

– Нет, омбре, нет. Он хорош, как мы и предполагали, и перенесенные травмы нисколько его не охладили, только закалили.

– А Луис Мигель?

– Эрнесто, я не знаю, что из этого выйдет. В прошлом году в Витории он дрался с серьезными быками, настоящими Миура, хоть и не такими, которые были в наше время. Хорошие были быки, и он не смог с ними справиться. Они его подавили, а он к этому не привык.

– Он участвовал в корридах, где быкам не подпиливают рога?

– Не часто. Может быть, пару раз.

– Он в хорошей форме?

– Говорят, в замечательной.

– Что ж, тем лучше для него.

– Да, – ответил Хуанито. – Но Антонио – настоящий лев. У него было одиннадцать серьезных ранений, и после каждого он становился только лучше.

– Да, примерно раз в год, – сказал я.

– Точно раз в год, – ответил Хуанито.

Я три раза постучал по стволу ближайшей большой сосны. Ветер яростно раскачивал верхушки деревьев, и так продолжалось всю весну и все лето в дни корриды. Я не помню другого такого ветреного лета в Испании, и никто не помнил, чтобы быки за один сезон нанесли столько тяжелых увечий.

Я считаю, что большое число раненых матадоров в 1959 году объясняется, во-первых, ветром, который делает беззащитным человека, работающего с плащом или мулетой, оставляя его на милость быка, а во-вторых, тем, что все матадоры соперничали с Антонио Ордоньесом и пытались делать то, что делал он, невзирая на ветер.

Без соперничества коррида ничто. Но в столкновении двух великих матадоров оно превращается в смертельную дуэль. Если один из матадоров освоил прием, который больше никто не может повторить, и использует его регулярно, это уже не просто трюк, а смертельно опасное представление, возможное благодаря комбинации крепких нервов, смелости, опыта и искусства. Последнее со временем лишь увеличивает опасность, и когда другой боец, не с такими крепкими нервами или меньшим опытом, попытается повторить этот прием или даже превзойти его, он будет тяжело ранен или убит. Поэтому такому матадору придется прибегнуть к обманным трюкам, а когда публика научится отличать подобные ухищрения от истинного искусства, он проиграет в противостоянии. Если к тому времени он останется жив и все еще будет способен выходить на арену, это можно считать большим везением.

С Хуанито Кинтана мы были знакомы более тридцати четырех лет и не виделись уже два года, поэтому нам было о чем поговорить в саду тем утром. Мы обсуждали проблемы боя быков и то, что можно сделать, чтобы улучшить ситуацию, какие вещи, как нам казалось, помогли бы, а какие бесполезны. Мы оба знали, что эти проблемы практически уничтожили корриду: ведь пикадоры, доводя быка до полусмерти, ударяя пикой в уже нанесенную рану, поворачивая острие для большей потери крови, повреждая позвоночник, ребра, уничтожали животное вместо того, чтобы утомить, замедлить его движения и заставить открыть шею для правильного умерщвления. Мы оба знали, что вина пикадора лежит на его матадоре, а если матадор слишком юн и не имеет достаточного влияния – на ответственном бандерильеро или импресарио. Почти все нарушения в боях быков происходили по вине импресарио, но если матадор с ним не соглашался, он всегда мог подать голос.

Мы вспомнили, что импресарио Луиса Мигеля и Антонио – братья Луиса Мигеля, Доминго и Пепе Домингин. Нам было ясно, что ситуация с гонорарами обещает быть непростой: Луис Мигель сочтет себя более важной персоной на арене в силу долгой карьеры и известности, а Антонио непременно решит, что как матадор он лучше Мигеля, и постарается продемонстрировать это в каждом бою. Результат, разрушительный для семейного покоя, будет потрясающе удачным для корриды, но одновременно и крайне опасным.

Первые двенадцать дней мая пролетели быстро. Я работал с раннего утра, потом плавал до полудня – для удовольствия, но каждый день, чтобы не терять формы. Обедали мы поздно, иногда спускались в город, чтобы забрать недоставленные письма и газеты. Навещали знакомых в «Бойте», ночном клубе, словно сошедшем со страниц Сименона, в центре Малаги, в большом отеле «Мирамар» на берегу моря. Потом устраивали в «Консуле» очень поздний ужин. Тринадцатого мая мы выехали в Мадрид, чтобы успеть к началу корриды.

Когда едешь по незнакомой местности, расстояния кажутся больше, чем на самом деле, сложные участки труднее, резкие повороты опаснее, а затяжные подъемы – круче. Это все равно что вернуться в детство или раннюю юность. Но дорога из Малаги через прибрежный горный хребет была достаточно трудной, даже если знать все ее повороты и особенности. Первая поездка из Малаги в Гранаду и дальше, в Хаэн, была отвратительной из-за водителя, которого порекомендовали Биллу и который ошибался на каждом повороте. От перегруженных встречных грузовиков, ехавших под уклон, он защищался клаксоном, который точно не помог бы, если бы что-то пошло не так. От его вождения у меня замирало сердце и когда мы ехали вверх, и когда спускались вниз. Я пытался смотреть в окно на долины, маленькие городки с домами из камня и фермы, простиравшиеся под нами. Автомобиль взбирался вверх по серпантину, я обозревал изрезанные ущельями горы, спускавшиеся к морю, голые темные стволы пробковых дубов, кора которых была срезана месяц назад, смотрел на глубокие провалы за обочиной, на заросли дрока, утыканные скатившимися с каменных вершин обломками известняка, и принимал идиотскую манеру вождения за данность, только старался удержать водителя от самоубийства тихими советами касательно скорости и приоритетов на дороге.

В Хаэне наш водитель едва не сбил человека: гнал по улицам, не обращая внимания на пешеходов. После этого он начал охотнее прислушиваться к рекомендациям, и поскольку дорога стала намного лучше, мы решили

подналечь: пересекли долину Гвадалквивир подле Байлена, взобрались на очередное плато и снова углубились в горы. Слева чернел массив Сьерра-Морены. Мы пересекли холмистую долину Лас Навас де Толоса, где христианские короли Кастилии, Арагона и Наварры разбили войско мавров. Хорошее место для битвы – как для обороны, так и для наступления. Странно было ехать по долине, представляя, чего стоило двигаться по ней 16 июля 1212 года и как выглядели в тот день ее поросшие травой склоны.

По бесконечным извивам серпантина мы взобрались на перевал Деспеньяперрос, который отделяет Андалузию от Кастилии. Андалузцы любят говорить, что к северу от перевала не родилось ни одного приличного матадора. Дорога оказалась добротной и безопасной для хорошего водителя. На самом седле перевала расположились несколько придорожных харчевен и гостиниц, которые нам этим летом еще не раз доведется посетить. Но в тот день мы поспешили дальше, чтобы остановиться в следующем городке, где у крутого поворота дороги на крыше дома два аиста устроили гнездо. Оно было свито только наполовину, самка еще не отложила яйца, а самец все еще ухаживал за ней. Клювом он гладил ее шею, а она смотрела на него с аистиной преданностью, потом отворачивалась, и он снова ее гладил. Мы остановились, чтобы Мэри сделала несколько фотографий, хотя было уже довольно темно.

Мы спустились на винодельческую равнину Вальдепеньяс. Лоза на виноградниках была высотой с ладонь, не более, но сами виноградники казались безбрежными, растворяясь где-то на темных холмах. Мы ехали по отличному новому шоссе меж виноградников, высматривали куропаток, которые любят купаться в пыли на обочине грунтовой дороги, проходившей параллельно шоссе. Переночевать мы решили в гостинице «Парадор» в Мансанаресе. До Мадрида оставалось всего сто семьдесят четыре километра, но мы хотели проехать этот путь днем, а бои быков начинались после шести вечера.

Рано утром, пока все в гостинице спали, мы с Биллом Дэвисом прошли три километра до центра старого ламанчского города, мимо низкой выбеленной арены, где был смертельно ранен Игнасио Санчес Мехиас, потом по узким улочкам до Кафедральной площади – и там напали на черный след одетых в черное утренних покупателей, которые возвращались с рынка. Рынок казался чистым и ухоженным, товара было много, но многим покупателям не нравились цены, особенно на рыбу и мясо. Мне было особенно приятно слышать чистый, прекрасный испанский язык. Я понимал каждое слово – в отличие от Малаги, где не разбирал местного говора.

В таверне мы взяли кофе с молоком, макнули в него свежий хлеб – это был наш завтрак. Еще выпили несколько стаканов разливного вина под местный сыр. Бармен пожаловался нам, что в таверне теперь редко встретишь проезжих, потому что новое шоссе обходит город стороной.

– Город мертв, – сказал он. – Кроме базарных дней.

– Какое вино будет в этом году? Удачный урожай?

– Пока непонятно, – ответил бармен. – Тут я знаю не больше вашего. Урожай всегда хороший и всегда одинаковый. Лоза растет, как сорняк.

– Мне она нравится.

– Мне тоже. Поэтому я ее ругаю. Если тебе что-то нравится, нельзя это хвалить раньше времени, плохая примета.

Быстрым шагом мы вернулись обратно в гостиницу. Прогулка была хорошим упражнением, а город оказался унылым, и мы покинули его без сожаления.

Когда мы погрузили багаж в машину и выехали со двора, направляясь к шоссе, наш водитель принялся яростно креститься.

– Что случилось? – спросил я. В ночь, когда мы ехали из Альхесираса в Малагу, я уже замечал, что он крестится, решил, что мы, наверное, проезжаем место, где случилось что-то ужасное, и промолчал из деликатности. Но теперь, прекрасным солнечным утром, мы выезжали на отличную дорогу, чтобы преодолеть короткое расстояние до столицы, а из разговоров с водителем я уже знал, что он не слишком религиозен.

– Нет, ничего, – ответил он. – Это просто чтобы мы в целости доехали до Мадрида.

Я нанял тебя не для того, чтобы ты вел машину исключительно при помощи чудес или Божественного вмешательства, подумалось мне. Водителю нужно обладать мастерством, уверенностью и еще проверить покрышки, прежде чем призывать Бога в штурманы. Но потом я вспомнил, что с нами женщины и дети

и что нужно быть солидарными в нашем бренном мире, и тоже осенил себя знамением. И тут же, чтобы оправдать излишнюю заботу о собственной безопасности, которая была преждевременной, если нам предстояло провести на испанских дорогах еще три месяца, днем и ночью, и эгоистичной, поскольку мы общались с матадорами, я помолился за всех, кого держал в заложниках у Фортуны: за друзей, больных раком, за всех девушек, живых и мертвых, и за то, чтобы сегодня Антонио достались хорошие быки. Последнего не случилось, но, с другой стороны, мы без приключений доехали до Мадрида, преодолев полную опасностей трассу через Ламанчу и степи Новой Кастилии. Водителя мы без обид отослали обратно в Малагу, потому что у входа в отель «Суэсия» выяснилось, что он не умеет парковать машину в городе. Билл поставил машину сам и до конца сезона взял на себя роль водителя.

«Суэсия» оказалась приятной новой гостиницей позади старого отеля «Кортес», в двух шагах от старого Мадрида. От Руперта Белвилла и Хуанито Кинтана, которые прибыли раньше, мы узнали, что Антонио заночевал в отеле «Веллингтон», расположенном в новом модном квартале, где было много современных гостиниц. Он хотел выспаться и одеться подальше от дома, чтобы по его жилищу не шныряли журналисты, поклонники, последователи и рекламные агенты. «Веллингтон» располагался недалеко от арены, что важно, потому что во время праздников, когда в Мадриде чествуют покровителя города, св. Исидора, все улицы забиты, и чем короче маршрут, тем лучше. Антонио предпочитает приезжать на арену заранее, а стояние в пробках всех нервирует. Хуже ситуации перед боем не придумаешь.

Номер был полон людей. Некоторых я знал. Большинство видел впервые. В гостиной сидели особо приближенные поклонники, в основном среднего возраста, двое молодых. Было много людей из околокорридных бизнес-кругов, также несколько журналистов, двое из французских глянцевых журналов в сопровождении фотографов. Все сидели с очень серьезным выражением на лицах. Мрачными не были только Кайетано, старший брат Антонио, и оруженосец Мигелильо.

Кайетано спросил, с собой ли у меня серебряная фляжка с водкой.

– С собой, – ответил я. – Мало ли что.

– Сейчас как раз «что», Эрнесто, – сказал он. – Выйдем в коридор.

Мы вышли из комнаты, выпили за здоровье друг друга, вернулись обратно, и я зашел к Антонио, который как раз одевался. Он почти не изменился, лишь чуть возмужал и загорел на ферме. Он не казался ни нервным, ни серьезным. Через час с четвертью он выйдет на арену, и он знает, что это означает, что он должен делать и что будет делать. Мы оба обрадовались встрече, наше взаимное дружеское чувство никуда не исчезло.

Я не хотел ему мешать, поэтому, ответив на вопрос о делах Мэри, спросив про Кармен и согласившись вместе поужинать, сказал:

– Я, пожалуй, пойду.

– Потом зайдешь?

– Конечно.

– Тогда до встречи. – Он одарил меня улыбкой мальчишки-проказника, которая получалась у него легкой и непринужденной еще до первого боя сезона в Мадриде. Он думал о предстоящей корриде, но не волновался.

Бои оказались никудышными, но арена была забита. Быки вели себя опасно и неуверенно, то неожиданно бросались вперед, то останавливались на полпути. Они даже лошадей атаковали с опаской, были перекормлены зерном и слишком грузны для своего размера. Те, что все-таки решались нападать на лошадей, показывали слабость задних ног и быстро утомлялись.

Викториано Валенсия в тот день проходил альтернативу, чтобы стать настоящим матадором, но показал, что он по-прежнему не более чем ученик, за плечами которого несколько ярких представлений, но никаких гарантий будущего успеха. Хулио Апарисио, умелый и опытный матадор, глупо провел свою линию, основную работу с быками. Он даже не пытался скрыть их недостатки и все время демонстрировал публике, что быки не нападают, вместо того чтобы заставить их нападать. Как многие матадоры, заработавшие кучу денег в начале карьеры, он ждал беспроблемного и неопасного быка, вместо того чтобы вытянуть все возможное из тех быков, что есть в наличии. Апарисио не показал ничего ценного ни с одним из быков, но прикончил их грамотно и быстро, без изысков, просто чтобы доказать себе и любому, кого это волновало, что он умеет действовать эффективно. Никого это не волновало.

Лишь выступление Антонио помешало той корриде стать полным провалом. Он смог впервые показать Мадриду мастерство, которого достиг. Его первый бык был никчемным. Он сторонился лошадей и не желал атаковать тореро, но Антонио вцепился в него, очень тонко и филигранно вытянул на себя плащом, завлек, обучил, ободрил его, подпуская все ближе и ближе. Он превратил застенчивое животное в боевого быка прямо на глазах у публики. Знание быков и удовольствие, которое получал Антонио от работы с ними, казалось, воздействовало на животное, пока бык наконец не понял, чего от него хотят. Если же у быка возникала неподходящая мысль, Антонио аккуратно, но твердо переубеждал его.

За время, прошедшее с нашей последней встречи, Антонио отшлифовал мастерство работы с капоте до совершенства. Это были не просто изумительные круговые обводы быка, несущегося по прямой, к которым стремится любой матадор. Каждое движение капоте направляло животное, чтобы его тело пронеслось мимо человека, управляющего быком складками плаща, и чтобы тут же развернуть его и заставить повторить попытку. И всякий раз рога проходили в считаных сантиметрах от человека. Движения капоте филигранно вели быка, сдерживая его движения, словно в замедленной съемке или в странном сне.

При работе с мулетой Антонио не использовал никаких хитростей. Бык уже был в его власти. Он создал его, вылепил, отполировал и убедил, не причиняя боли, не ломая и не наказывая. Он приглашал его вперед взмахом мулеты в левой руке и пропускал мимо себя снова и снова, потом направил рога и всю тушу быка себе в грудь настоящим пасе де печо, проходом мимо груди, после чего одним изгибом запястья развернул для заклания.

Первый удар, нацеленный между лопатками, попал в кость. Он еще раз ударил в ту же точку, и шпага вошла в тушу по самую гарду. К тому моменту, когда пальцы Антонио оросила кровь, бык был мертв, хотя и не знал этого. Антонио смотрел на него, подняв руку, направляя его смерть, как направлял единственное за всю недолгую жизнь быка представление, и внезапно тот содрогнулся и рухнул.

Его второй бык был сильнее, но выпустил весь пар на лошадях, начал переминаться и тормозить задними копытами посреди рывка. Он был непредсказуем справа и слева, пытался подцепить матадора и левым, и еще больше правым рогом. В его защите не было логики. Он был нервный,

истеричный и никак не поддавался попыткам Антонио наставить его на путь истинный. Разные быки чувствуют уверенность на разных участках арены, но этот… Антонио работал с ним ритмично, пропуская совсем близко, затем наказывая низкими проходами, направляя на себя, чтобы установить контроль и прекратить короткие пробежки и хаотичное бодание, но бык оставался истеричным и трусливым. С таким невозможно вести фаэну современного типа без риска попасть в больницу. С незапамятных времен с подобным семенящим быком можно было поступить только одним образом – побыстрее избавиться от него. Что Антонио и сделал.

После выступления, сидя на кровати в номере «Веллингтона» и остывая после душа, Антонио спросил:

– Эрнесто доволен первым быком?

– Ты сам понимаешь, – ответил я. – Все это видели. Тебе пришлось создать его. Изобрести.

– Да, – согласился он. – Но получилось неплохо.

Вечером мы ужинали в «Кото» – ресторане, где можно было посидеть как в зале, так и под открытым небом, в тенистом саду недалеко от старого «Ритца», напротив музея Прадо. Все были очень веселы, потому что Антонио прекрасно проявил себя в первом бою, следующий был только послезавтра, а это идеальный перерыв между выступлениями. В загонах для быков своей очереди дожидалось несколько очень многообещающих экземпляров, и никто не догадывался, какой паршивой будет погода. Помимо нашей компании за столом сидели доктор Маноло Тамамес, личный врач Антонио и Луиса Мигеля, с женой, пара заводчиков быков и Антонио с Кармен. Было очень приятно снова увидеться, мы много говорили и смеялись. Антонио, как все подлинные смельчаки, человек веселый, любит пошутить, причем иногда на очень серьезные темы. Когда он подтрунивал над кем-то, выставляя себя самого сущим ангелом, я спросил у него:

– Вот ты такой честный и благородный. А как ты поступил сегодня со своим старым другом?

Апарисио был близким другом Антонио. На сегодняшней феерии Апарисио старательно демонстрировал публике, что быком, который ему достался, невозможно управлять при помощи капоте. А во время следующего китэ Антонио оттащил быка Апарисио от лошадей и провел с ним шесть красивейших, размеренных, бесконечных вероник. Этим он, конечно, испортил день своему другу и продемонстрировал публике, что можно сделать с быком, если матадор хочет уделить ему внимание и потратить на него частицу своей жизни.

– Я попросил у него прощения, – ответил Антонио.

Свой первый бой испанского сезона Луис Мигель провел 7 мая в области Астурия, в Овьедо, и получил оба уха от обоих своих быков. Вторую корриду он провел 16 мая в Талавера-де-ла-Рейна. В тот же день Антонио в Мадриде бился со слабыми быками с фермы Пабло Ромеро. В Талавере Луис Мигель работал с быками из Саламанки, стал триумфатором, получил оба уха и хвост первого быка и оба уха второго. Он был в отличной форме и через два дня участвовал в корриде в Барселоне. В Талавере зрители не раскупили всех мест на арене.

Помимо двух боев в Испании Луис Мигель успел трижды выступить во Франции: в Арле, Тулузе и Марселе. Работал он блестяще. Мои источники сообщали, что во всех этих боях рога быков были в той или иной степени «доработаны». На следующий день он собирался выступать в Ниме, а еще через день после него в корриде должен был участвовать Антонио, на той же античной арене. Я люблю Ним, но мы только что приехали, и отправляться за тридевять земель, чтобы посмотреть на быков с подпиленными рогами, мне не хотелось. Поэтому мы остались в Мадриде.

Рано или поздно Антонио и Луис Мигель должны были встретиться в одном поединке, этого требовала экономика корриды. Устроители задирали цены, и сделать аншлаг могли лишь эти двое. Я знал их обоих, Антонио чуть ближе, и понимал: с учетом того, насколько меньше Луиса Мигеля он получает за бой, единоборство будет смертельным.

Антонио вернулся из Франции, где они с Луисом Мигелем, один за другим, стали триумфаторами. Луис Мигель срезал ухо у второго из двух своих быков 17-го числа в Ниме и на следующий день. Антонио получил уши всех своих быков и оба уха и хвост последнего быка, с которым бился и которого убил, замещая Эль

Трианеро: тот попытался пропустить едва выпущенного на арену быка, стоя на коленях, был поднят на рога и получил трехдюймовую рваную рану на руке.

В областях, где Луис Мигель имел множество поклонников и всегда считался матадором номер один, публика приходила в восторг от Антонио. Таким образом, соперничество между ними перешло на международный уровень. Фотографы и репортеры из Франции и иллюстрированных журналов из других стран прибыли в Мадрид, чтобы освещать следующий бой Антонио.

Глава 4

В один из дней ферии Сан-Исидро в Мадриде после третьего быка полил дождь, мы промокли, и Мэри подхватила сильную простуду. Она пыталась перенести болезнь на ногах, но хаос ферии и беспорядочное расписание боев играло на руки местному ветерку, сбегающему со склонов Сьерры. Местные говорят, что такой ветер не способен задуть свечу, но может убить человека. Мэри пыталась больше времени проводить в кровати и раньше ложиться спать, пару раз мы даже обедали в постели, и вскоре она решила, что осилит поездку в Кордову 25 мая. Руперт Белвилл к тому времени вернулся в Лондон, оставив свой «Фольксваген» в Мадриде. Он просил перегнать автомобиль в Малагу, поэтому мы с Биллом Дэвисом взяли английский «Форд», а Мэри и Энни Дэвис – машину поменьше, и таким караваном мы отправились в Кордову через Кастилию и Ламанчу, той же дорогой, которую преодолели несколькими днями раньше. Все удивлялись, как сильно подросла за это время лоза и как сильно ветер, испортивший ферию, побил посевы озимой пшеницы.

Кордова, помимо прочего, скотоводческий город, и толпа, заполнившая «Палас-отель», была веселой, дружелюбной и приветливой. Свободных мест в гостинице не оказалось. Мэри с Энни заехали позже нас, поэтому один из наших знакомых уступил Мэри свою комнату, чтобы она могла прилечь отдохнуть перед посещением арены.

Это была странная коррида. Пепе Луис Васкес, некогда великолепный матадор с очень изысканным стилем, вернулся на арену, чтобы провести несколько боев и заработать на покупку какой-то крупной недвижимости. Это был хороший человек, верный и преданный другим матадорам, но он провел слишком много

времени вдали от быков, и его реакция никуда не годилась. Он не мог совладать с нервами, если было видно, что бык может представлять угрозу. Пепе набрал вес, и теперь сложный орнамент его стиля в сочетании с очевидной грузностью и полным отсутствием легкости в движениях создавали печальную картину. Он не мог скрыть своего страха и очень плохо выступил с обоими быками.

Хайме Остос, парень из Эсихи, милого белостенного городка к западу от Кордовы, был смел, как дикий кабан в горах Сьерры. И, подобно дикому кабану, проявлял безрассудную смелость, если его разозлить или ранить. Мне кажется, он не вполне оправился от сотрясения, которое получил во время прошлой, совместной с Луисом Мигелем корриды в Барселоне. Хайме мне нравился, и я страшно волновался за него весь день, потому что он постоянно наращивал опасность своих маневров, дойдя до приемов, близких к самоубийству. Я знал, что он сражается на глазах у своих земляков, что в самом начале сезона у него уже были проблемы и он заявил, что не будет пытаться состязаться с Антонио. Но, даже принимая все это во внимание, я готов был биться об заклад, что он не доживет до конца сезона. На самом деле он закончил год с несколькими неопасными ранениями. В тот день в Кордове его бело-серебристый костюм был весь вымазан кровью – так близко он пропускал быка. Никто чаще Хайме Остоса не приглашал быка покуситься на жизнь матадора, чтобы потом уйти от смерти благодаря необъяснимой удаче, смелости и отчаянному мастерству. Он получил оба уха своего первого быка и отрезал бы уши и второму, если бы не неудачно вошедшая шпага.

Первый бык Антонио был хорош – достаточно большой, но не огромный, с серьезными рогами. Антонио был великолепен с капоте, он бросил быку вызов, покорил его и направлял, куда хотел в своем восхитительном плавном стиле. Он был так же хорош с мулетой и идеально прикончил быка. Вся арена была усеяна платками, но председатель не присудил ему ухо. Видимо, они ждут чего-то сверхъестественного, сказал я Мэри.

Его второй бык не был даже полубыком, на вид ему было года три, не больше. Мелкий, легкий, со слабыми рогами. Зрители протестующе загудели. Шум усилился, когда устроители корриды позволили быку броситься на пикадоров. Я тоже был зол и не мог поверить, что агенты Антонио подобрали ему такого противника. Они думали, что это сойдет им с рук? Этого быка должны были отбраковать на этапе ветеринарной проверки, ему не место в профессиональной корриде.

Антонио обратился к председателю с просьбой разрешить убить этого быка и оплатить быка на замену, чтобы устроить бой в конце корриды. Получив согласие, он околдовал быка при помощи мулеты, сделал несколько пасе, чтобы полностью подчинить его, развернул и убил с первого удара.

Бык, которого Антонио купил, чтобы исправить впечатление от жалкого пятого животного, вышел из полумрака торила – загона для быков, – потрясая самой большой, широкой, длинной и острой парой рогов, какие я только видел после возвращения в Испанию в 1953 году. Бык был крупным, но не казался жирным, он загнал одного из бандерильеро за барреру и даже там пытался достать его правым рогом через загородку. Антонио вызвал быка на себя и, когда тот атаковал, взял его под контроль плавными и аккуратными движениями капоте перед носом животного. Он разворачивал его, когда хотел, демонстрируя, как управлять настоящим быком с громадными рогами, как пропускать его медленнее, ближе и красивее, чем любой другой матадор способен даже с подпорченным полубыком. Антонио попросил председателя ограничиться одним ударом пики, чтобы не навредить быку, и объяснил бандерильеро, как и куда вонзать бандерильи.

Я смотрел, как он нетерпеливо ждет, не сводит глаз с быка, как делает мысленные пометки, анализирует, обдумывает и планирует. Он сказал Хуану, куда нужно выманить быка, потом выдвинулся вперед и заставил животное сделать четыре низких пасе. Его левое колено на песке, правое выставлено вперед, он водит и подсекает быка магией своей мулеты, обещая ему все на свете, демонстрируя цель, тонко и мягко показывая, что на этом этапе игры со смертью быку не грозят ни боль, ни унижение.

После этих маневров бык был у него в руках, и он продолжил убеждать зрителей в том, какой он великий артист, смелый и знающий быков, способный работать с настоящими красавцами, обладателями крепких, длинных и смертоносных рогов. Публика увидела классические приемы, без всяких ухищрений, фальши и компромиссов: бык проносился так же близко, как у Хайме, но под полным контролем матадора. Показав публике, как близко, чисто, медленно можно работать с быком, он прикончил его финальным пасе де печо, попрощался с быком последним взмахом мулеты, опустил и свернул ее, нацелил шпагу на верхнюю точку холки и вонзил клинок, перегнувшись через гигантские рога. Бык рухнул к его ногам, и толпа взревела. Председатель отдал Антонио оба бычьих уха, а десятки зрителей с освещенного солнцем сектора выбежали на арену, чтобы нести Антонио и Хайме на плечах. Антонио сопротивлялся, но в итоге они

подняли его на руки. Было очевидно, что это не постановка. Слишком много было желающих, слишком возбужденными они казались.

Мы заночевали в усадьбе маркиза дель Мерито, расположенной на холмах подле Кордовы. Прежде это был Королевский монастырь Св. Иеронима в Вальпараисо, одна из достопримечательностей Испании. Взбираться туда было особым приключением: наверх ввела классическая разбитая дорога – как в большинстве интересных мест Испании. Мрачный средневековый аскетизм, номера, переделанные из келий, окна которых выходят на Кордовскую равнину, – на следующее утро все это выглядело значительно веселее. Мы прогулялись по местным садам, церквям, старинным комнатам.

Хозяев не было дома. Пепс Мерито настоял, чтобы мы остановились в усадьбе, потому что все номера в городских гостиницах были давным-давно забронированы. Он позвонил управляющему имением и велел ему позаботиться о нас. Мы планировали провести там всего одну ночь, однако у Мэри поднялась температура, и утром она была слишком слаба для поездки. Мы вызвали врача из города и задержались еще на день. Пепс все время звонил из Мадрида, чтобы удостовериться, что у нас все в порядке и мы проводим время в довольстве и комфорте. Мы действительно получили удовольствие: безлюдность этого места делала наше пребывание там чем-то вроде поездки на природу, только во дворце. В мирной жизни такое не часто случается.

В Севилью мы выехали на следующий день. Погода была неважная, мы остановились в старой гостинице «Альфонсо XIII», сочетающей былое величие с неудобством, и направились в ресторан «Каса Луис», чтобы поесть перед корридой. Еда была отличная, бои – отвратительные.

Быки оказались никудышные, неуверенные, вдобавок их еще и умертвили пиками. Дело было не в том, что пикадоры как-то неправильно применяли варас – пики. Они не делали ничего против правил: удары наносились верно, в надлежащие места, напор быка сдерживался без проворачивания острия. Но с самим устройством пик что-то было не так, потому что в тушу быка полностью входил стальной наконечник и даже часть древка. Металлический кружок, который должен был мешать наконечнику пики проникать глубже одиннадцати сантиметров, сам скрывался в теле вместе с древком. Раны, которые наносили быкам пикадоры, называют медиа-эстокада, то есть «полклинка». Никто не знает, что матадор сможет сделать с таким быком, потому что до него животное

доходит полумертвым от потери крови. Перед боем пики осматривает и опечатывает назначенный властями чиновник, он же выдает оружие пикадорам, чтобы никто не мог обвинить их или матадора, которому они подчиняются. Я не видел таких ранений, нанесенных пиками, с нехороших времен во Франции. Тогда случалось, что устроители боев закупали шесть могучих быков с длинными, тяжелыми рогами, и стальной ограничитель на конце пики вдруг почему-то оказывался кружком резины, покрашенным алюминиевой краской. Такие ограничители (их называют редондель) могли помешать наконечнику и древку войти в тело быка с таким же успехом, с каким резиновый кинжал – вонзиться в плоть. В результате быки попадали в руки матадору заколотыми до полусмерти. Я и некоторые другие люди всегда выступали против этих и других злоупотреблений с пиками на юге Франции, и все подобные ухищрения были мне хорошо знакомы.

В тот день в Севилье Мэри, несмотря на спавший жар, была все еще слаба, поэтому я не спускался перед боем к арене или патио де кабальос, конному двору, и не мог осмотреть пики. Их проверили и разрешили использовать, так что теоретически все должно было быть в порядке. Но раны быкам они наносили страшные.

После боя Антонио сказал, что пика повредила вену его второму быку. Это была чистая правда. Она вонзилась достаточно глубоко, чтобы пробить несколько сосудов, и, если бы пикадор продолжал давить на древко, попала бы в крупную артерию. Кровь шла светлая, она толчками изливалась из рваной раны на плече быка, стекала по ноге и оставляла цепочку капель на песке.

Я знал, как мастерски Антонио умеет работать с быками, способными хоть как-то биться. На Рождество я написал ему, что хочу приехать и написать правду, абсолютную правду о его работе и месте в корриде, чтобы это осталось в письменном виде и пережило нас обоих. Он хотел, чтобы я выполнил свое обещание, и знал, что справится с любым быком, который выйдет к нему из торила. И вот уже два дня подряд к нему выходили мелкие и незрелые бычки, и в этом был кто-то повинен. Всякий раз он испытывал отвращение. Большерогий бык в Кордове стоил ему сорок тысяч песет. Итоги боев в Севилье никого не обрадовали.

Мы с Биллом выехали обратно в Мадрид с первыми лучами солнца. Наши дамы собирались спать допоздна, а потом на маленьком сером «Фольксвагене» отправиться по красивой дороге в Малагу через Антекеру. Мы договорились

встретиться в Гранаде, где выступал Луис Мигель, а на следующий день Антонио. Вечером, перед сном, жара у Мэри не было, и я надеялся, что отдых и солнце на «Консуле» поставят ее на ноги. Расписание боев было изматывающим, но после Гранады все бои, которые мы собирались посетить, были недалеко от Малаги, нашего временного пристанища.

Мы ехали в Мадрид под низкими, тяжелыми облаками и видели окрестности, только когда дождь ненадолго стихал. Нас обоих огорчала погода во время боев, недокормленные и незрелые быки, которых кто-то подсовывал матадорам. Билл сказал, что у него пессимистичный настрой на этот сезон. Севилья не вызвала у нас никаких чувств. Сказать в Андалузии такое про корриду было близко к богохульству. Считается, что люди, которым дорога коррида, обязаны испытывать к Севилье мистическое благоговение. Но за много лет я убедился, что относительная частота плохих боев там выше, чем в любом другом городе.

Мы видели аистов, изящно вышагивавших под дождем в поисках еды, и много разных хищных птиц. Я всегда радовался, когда видел ястреба или сокола, и понимал, как им сейчас трудно кормиться: в дождь мелкие птицы, их основная добыча, не отходят далеко от убежищ. После Байлена дорога, по которой нам предстояло много поездить, сворачивала к центральной равнине, и когда погода улучшалась, мы видели то там, то сям замки и деревушки с белыми домиками, открытые всем ветрам. Чем дальше на север, тем настойчивее становились местные ветра. Мы проезжали мимо вымокших от дождя деревень, полей с полегшей пшеницей и виноградников, где лоза за последние три дня, казалось, разрослась в полтора раза против прежнего.

Мы остановились заправиться и перекусить в баре при заправке – выпить стаканчик вина с куском сыра или парой оливок и запить все черным кофе. Билл никогда не пил за рулем, а я потягивал легкое розовое вино, бутылку которого держал в мешке с колотым льдом, и закусывал хлебом с сыром манчего. Эти места мне дороги в любую погоду, и я всегда с радостью проезжал последний перевал, попадая на неприветливые просторы Ламанчи и Кастилии.

Билл не хотел есть до самого Мадрида, потому что от еды его якобы клонит в сон за рулем, и он начал приучать себя к предстоящим поездкам, которые могли длиться сутки или больше. А поесть он любит, разбирается в еде и знает кухню Испании лучше, чем кто-либо другой. По приезде он поначалу обосновался в Мадриде, и постепенно они с Энни объехали все до единой провинции страны. Не было ни одного городка в Испании, где бы он не побывал.

Он знал все вина, все местные блюда, какие-то особые деликатесы и самые лучшие места в крупных городах и небольших селениях. Лучшего попутчика трудно было придумать, да и за рулем он был надежен, как скала.

До Мадрида мы добрались как раз вовремя, чтобы успеть пообедать в «Кальехоне», узком, многолюдном ресторане на улице Бесерра, где мы всегда едим, когда с нами нет жен, поскольку здесь, по нашему общему мнению, подают лучшую еду в городе. Каждый день в «Кальехоне» предлагают блюда разных региональных кухонь, но свежие овощи, рыбу, мясо и простую, но восхитительную еду здесь можно найти всегда. Пить можно было тинто, кларет и вино из Вальдепеньяс в маленьких, средних и больших кувшинах. Вино было превосходное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/heminguey_ernest/opasnoe-leto

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить